

А. М. Филиппов

Роль наёмничества в политической истории Спарты в конце V в. до н. э.

Наёмничество принадлежит к числу наиболее значимых явлений в политической и социальной жизни классической Греции. Исследование этого феномена обеспечивает возможность не только расширить представления о социальной сущности, составе, структуре и функциональных особенностях наёмных отрядов, но и, несомненно, выяснить его роль в развитии межгосударственных связей в Восточном Средиземноморье в V–IV вв. до н. э. Определение такой роли эллинского наёмничества, на мой взгляд, представляется принципиальным, поскольку способствует изучению внешнеполитического развития Эллады в классическую эпоху и объяснению его наиболее спорных моментов.

Сообщения таких авторов, как Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Демосфен, Аристотель, Диодор Сицилийский и Плутарх, о греческих наёмниках довольно многочисленны, что свидетельствует, вероятно, о степени распространения в античном мире практики военной службы за плату (*μισθοφορία*). С одной стороны, информация источников позволяет составить общую картину об этом феномене. Однако, с другой стороны, авторы обозначают наёмников по-разному: *μισθοφόροι*, *ξένοι*, *στρατιώται*, *επίκουροι* и т. д. Такая многозначность затрудняет целостное восприятие феномена наёмничества. Характерная для большинства источников фрагментарность сведений о «солдатах удачи» объясняется, несомненно, тем обстоятельством, что *μισθοφόροι* не являлись главным предметом исследований, а внимание древних авторов было посвящено более актуальным проблемам, чем *μισθοφορία*.

Тем не менее, на протяжении последних десятилетий тема греческого наёмничества приобрела особую актуальность и была подробно разработана в исследованиях зарубежных антиковедов, отдельные сочинения которых представляют огромный интерес [1–8]. В отечественной исторической науке военная служба за плату в Древней Греции не была основательно проанализирована. Исключение составляют лишь некоторые исследования Л. П. Маринович [9–13]. Характерной особенностью большинства исследований, посвящённых наёмничеству в Древней Греции в классический период, является то, что их авторы уделяют основное внимание военно-техническим и социальным аспектам этого феномена. При этом историки отмечают и влияние внешнеполитических факторов на развитие наёмничества. Однако в историографии, на мой взгляд, уделяется недостаточно внимания обратной связи — влиянию наёмников на межгосударственные отношения. Объяснением этому, вероятно, может служить следующее обстоятельство. Взаимовлияния внешнеполитической ситуации и наёмничества не всегда имели симметричный характер. В истории классической Эллады воздействие внешнеполитических факторов на развитие *μισθοφορία*, вероятно, было более интенсивным, чем влияние наёмников на политическую ситуацию, в частности, на межгосударственные отношения. Это обстоятельство сказалось на изложении античными авторами исторических событий, в котором наёмникам отводилось недостаточно внимания. Но иногда фактор «солдат удачи» в межгосударственных отношениях в Восточном Средиземноморье играл очень важную, очевидно, определяющую роль. Довольно сложно определить исторический момент и степень воздействия этого фактора на политическую ситуацию.

Очевидно, влияние наёмников в политической жизни в классической Элладе особенно остро ощущалось в критические моменты истории. Рубеж V–IV вв. до н. э. представляется именно таким моментом в развитии межгосударственных отношений эллинов. Он был отмечен сложными политическими противоречиями. По окончании Пелопоннесской войны масса наёмников, для которых *μισθοφορία* была не только профессией, но и образом жизни, являлась мощной силой, с которой приходилось считаться в первую очередь Спарте. От правильного решения этой проблемы во многом зависела как стабильность спартанской гегемонии, так и дальнейшее развитие межгосударственных взаимоотношений в Греции. Безусловно, в конце V в. до н. э. наёмничество играло немаловажную роль в политической истории Спарты. В данной статье предпринята попытка выяснить, в чем заключалась эта роль.

Военная служба за вознаграждение была известна древнему миру еще в архаическую эпоху. Так, Геродот сообщает об ионийских и карийских солдатах на службе в Саисском Египте (Herodot., II, 152; 154; 163), а Диодор Сицилийский рассказывает о том, что лидийские династы вербовали воинов в Балканской Греции (Diod., IX, 32). Однако в греческом мире феномен наёмничества впервые находит наиболее яркое выражение на рубеже V–IV вв. до н. э. Хотя участие наёмников под предводительством греческих командиров в походе Кира Младшего и их «восхождение» в Элладу вряд ли можно рассматривать как крупное историческое событие, в контексте политической и социальной истории Восточного Средиземноморья такой факт заслуживает особого внимания.

Л. П. Маринович не считает кризисные явления конца V–IV вв. до н. э. «заранее данной, уже доказанной и бесспорной причиной развития наёмничества» и в своем исследовании идет «не от кризиса к наёмничеству, а от наёмничества к кризису», рассматривая *μισθοφορία* в комплексе с другими факторами [10, с. 5–6]. Однако, на мой взгляд, именно изменения в социальной сфере Греции (пауперизация и маргинализация полисного населения), вызванные Пелопоннесской войной, стимулировали стремительное развитие наёмничества. В относительно короткий период в Элладе формируется масштабная метаполисная общность, состоящая из индивидуумов, которые в силу различных обстоятельств были вытеснены за рамки полисного общества. Военная служба за плату становится основным источником существования, образом жизни, судьбой множества разных людей. В «Анабасисе» Ксенофонт приводит ряд примеров, на основе которых можно определить социально-психологические типы «солдат удачи» (бедняки, изгнанники, преступники, бывшие рабы, просто авантюристы и т. д.). Отличительной чертой наёмничества как метаполисной страты являлись высокая степень гражданской отчужденности, социальная автономия и психологическая динамичность [8, с. 164–165]. Некоторые античные авторы часто обозначают наёмников термином *ξένοι* — «чужие, пришельцы» (Xenoph. Hell., II, 4, 25; Demosth., IV, 24, VIII, 9). В дихотомии «мы—они» наёмникам («они») могут быть противопоставлены *πολίται*. Это социально-политическое противопоставление во многих случаях имеет негативный характер. Так, например, Аристотель замечает, что царей охраняют граждане, тиранов же — чужаки, наемники (Aristot., Pol., III, 9, 4, 1285 a, 25–27). Хотя такая дихотомия в источниках встречается редко, она все-таки угадывается благодаря смысловому эффекту от использования термина *ξένοι*. Социально-политическая идентификация, выраженная в противопоставлении и характерная для сознания эллинов, может свидетельствовать, вероятно, об очень яркой маргинальности «солдат удачи». Древние авторы достаточно точно определяли социальную сущность наёмника. Для них наёмный воин — это человек, получающий за ратный труд вознаграждение от нанимателя, к социуму которого он не принадлежит. В изложении античной традиции наёмник не связан гражданскими узами с полисом, на службе у которого он находится, достаточно независим от него как в социальном, так и в психологическом отношении.

Но удаление «солдат удачи» за рамки традиционных гражданских связей вовсе не означало их отсутствия в политической жизни Эллады. Пассионарные порывы *μισθοφοροι* представляли серьезную угрозу социально-политической стабильности в государствах: в Греции всегда был спрос на услуги наёмников. Так, например, устанавливается связь

между наёмничеством и тиранией. Источники сообщают о наёмниках на службе у Писистрата и Писистратидов (Aristot. Ath. pol, XIV, 1; XV, 2; XVI, 4; XVIII. 3, 4; Herodot., I, 59, 61, 64; Thuc., VI, 54, 55, 57), Поликрата (Herodot., III, 39, 45, 54), Мильгиада Фракийского (Herodot., VI, 39), Гиппократы и Гелона (Herodot., VII, 154, 155). Иногда «солдаты удачи» забывали об обязательствах перед нанимателями, и тогда они становились стихийной, но достаточно самостоятельной силой. В Элладе не было (очевидно, и не могло быть) авторитета, способного полностью контролировать эту пассионарную массу. Поэтому спартанцы, установившие в конце V в. до н. э. свою гегемонию над Элладой, столкнулись с актуальнейшей проблемой: как в отсутствии тотального контроля над наёмниками обезопасить социально-политическую ситуацию в полисах. Лакедемон из всех греческих государств был наиболее заинтересован в удалении большого количества *μισθοφόροι* из зоны собственной гегемонии.

Можно было привлекать «солдат удачи» на службу, но в то время Спарта не нуждалась в большом постоянном войске, содержание которого дорого обходилось и не имело смысла: после Пелопоннесской войны лакедемоняне не вели масштабных военных действий. Полностью отказаться от услуг наёмников они также не могли: такими солдатами можно было комплектовать спартанские гарнизоны, а на случай большой войны *μισθοφόροι* представляли дополнительный военный ресурс. Решение проблемы подсказывала давняя практика найма на службу за пределами Греции, которая за годы Пелопоннесской войны, вероятно, осуществлялась слабо [8, с. 129]. Но в конце V в. до н. э. исход огромной массы наёмников из Эгеиды за короткий период вряд ли был возможен без координации из единого центра. Таким центром представляется Спарта, обладавшая большим политическим влиянием в Греции и, вероятно, крепкими связями с наместником Лидии, Великой Фригии и Каппадокии, персидским царевичем Киrom.

В чем еще, помимо этого, заключались интересы лакедемонян? Во-первых, смута в Персии предоставляла свободу действий спартанцам в малоазийских полисах. Утрата спартанского влияния в этом обширном регионе могла повлечь за собой серьёзные последствия для гегемонии Лакедемона и в других областях Эгеиды. Ведь тот, кто контролировал судоходство в черноморских проливах, мог регулировать хлебные поставки в большинство полисов Эгеиды. Зафиксирована монополия на импорт понтийского хлеба, долгое время принадлежавшая Афинам, которой они лишились после Пелопоннесской войны (CIA, I, № 40) [14, с. 88]. Вероятно, спартанцы достаточно ясно осознавали стратегическую важность черноморских коммуникаций, поскольку этим можно объяснить перенос военных действий из Ионии к Геллеспонту в последние годы Декелейской войны. Во-вторых, после вполне прогнозируемой победы Кира в борьбе за ахеменидский престол Спарта, учитывая прошлые отношения с ним, могла рассчитывать на лояльность нового царя. Вероятно, лакедемоняне были заинтересованы в пересмотре спартано-персидских соглашений 412–411 гг. до н. э. (Thuc., VIII, 18; 37; 58). Заключенные при иных военных и политических обстоятельствах, после окончания Пелопоннесской войны эти соглашения вряд ли устраивали Лакедемон [15, с. 133–134]. Не исключено, что перемена власти над малоазийскими полисами гораздо в меньшей степени соответствовала и интересам самого персидского царя, чем притязаниям местных сатрапов на политическую самостоятельность. Очевидно, не последнюю роль в раскладе спартанцев мог играть конфликт между Киrom Младшим и Тиссаферном, сатрапом, в подчинение которого ранее были переданы греческие полисы.

Так, в 401 г. до н. э. «солдаты удачи» присоединились к армии Кира Младшего. Усиленное наёмными контингентами (*μισθοφορικόν*) азиатское войско имело неплохие шансы на успех в столкновении с армией Артаксеркса II. В его составе насчитывалось около 13 тыс. *μισθοφόροι* и от 70 до 100 тыс. варваров (Diod., XIV, 19; 21; Xenoph. Anab., I, 7, 10). Кир хорошо подготовился и, очевидно, надеялся быстро завершить поход, не полагаясь из-за политических обстоятельств и сложных климатических условий на затяжную кампанию [3, с. 37–38].

Имеющиеся в нашем распоряжении источники очень скупо сообщают о причастности спартанских властей к сбору *μισθοφορικόν* и походу Кира Младшего. Так, например,

в «Анабасисе» Ксенофонт умалчивает о посольстве Кира в Лакедемон с просьбой о помощи. Лишь в «Греческой истории», созданной позже, тогда, когда Персия встала на сторону враждебной спартамцам Беотии, писатель подтверждает такой факт (Xenoph. Hell., I, 1, 1). Вероятно, Ксенофонт избегал откровенного упоминания спартанского участия в войне с Артаксерксом II, в поддержке которого нуждалась Спарта во время написания походных мемуаров. В сообщениях поздних авторов также имеется подтверждение помощи, оказанной лакедемонянами мятежному царевичу. Источники сообщают, что лакедемоняне в ответ направили эскадру, которая вместе с персидскими кораблями вдоль побережья Малой Азии достигла Киликии (Diod., XIV, 19— 21; Plut. Art., VI). И хотя прямое участие спартанцев в экспедиции Кира Младшего этим и ограничивалось (если доверять источникам), царевичу удалось без труда укрепиться в этом важном районе. Обезопасив тыл (теперь вся Малая Азия подчинялась Киру), можно было предпринять марш вглубь персидской державы [3, с. 41].

Следует критически относиться к замечанию Диодора, в котором говорится о том, что 800 воинов под предводительством спартамца Хирисофа были посланы Спартой на помощь Киру Младшему (Diod., XIV, 19). Этот отряд вполне мог быть набербован из перизкского населения Лаконики, а не самих спартиатов. Так, в «Анабасисе» упоминается лаконский перизк Дексипп, начальник пентеконтеры: Δέξιππον Λάκωνα περτοίκων (Xenoph. Anab., V, 1, 15). Однако не ясно, какое участие в организации найма принимали официальные власти Спарты — прямое или косвенное. Поскольку подобная практика в сложившейся политической ситуации не противоречила государственным интересам лакедемонян, с большой вероятностью можно предположить, что власти Спарты имели довольно непосредственное отношение к набору отряда Хирисофа. Достаточно вспомнить, что корпус Брасида, в годы Архидамовой войны сражавшийся против афинян на фракийском побережье, был составлен из наёмников-пелопоннесцев и неполноправных жителей Лаконики явно при прямом содействии спартанских властей [16, с. 62]. Таким эффективным способом Спарта избавлялась от излишка потенциально опасного социального элемента и решала конкретные военно-политические задачи. По окончании Пелопоннесской войны и с расширением собственной гегемонии на обширные территории в Эгеиде спартамцы решали аналогичные задачи с той лишь разницей, что в мирное время было гораздо труднее канализировать такой излишек. К тому же, в категорию социально опасного элемента теперь включалось огромное (по полисным меркам) количество наёмников. Их услуги в самый неожиданный момент могли быть востребованы противниками Спарты. Следует отметить, что спартано-элейская война 400 г. до н. э. (лакедемоняне стремились к стратегическому контролю над гаванями Элиды) произошла без участия множества тех пелопоннесцев, которые ранее составили большую часть греческих наёмников в армии Кира. Поэтому представляется вполне вероятным, что вербовка *μισθοφόροι* если и не имела прямой поддержки спартамцев, то и не встречала никакого сопротивления с их стороны. К сожалению, Ксенофонт ни в «Анабасисе», ни в «Греческой истории» не описывает сам механизм набора наёмных отрядов. Очевидно, он игнорирует такое описание, полагая изложение самого анабасиса из Северной Месопотамии более важным, чем рассказ о продвижении войск Кира Младшего к Кунаксе. Поэтому важным подтверждением причастности Лакедемона к набору наёмников в армии Кира является характер их этнополитического представительства.

Главным источником, благодаря которому мы можем судить о таком представительстве, являются походные мемуары Ксенофонта. В «Анабасисе» он называет имена командиров и рядовых солдат, указывает на их этнополитическую принадлежность и количество по родам войск. На основе анализа устанавливаются 4 категории наёмников, первые три из которых эллинские: *солдаты-пелопоннесцы* (большинство из них аркадяне и ахейцы), *солдаты из материковой Греции и Эгеиды*, *солдаты из греческой «периферии»* (Крит, Сицилия, Италия и т. д.), *солдаты-варвары* (фракийцы, энианы и др., некоторые из них, вероятно, бывшие рабы). Первая категория по численности самая крупная. Так, по сообщению Ксенофонта, под Гераклеей Понтийской собралось

более 8000 воинов, из которых свыше 4000 были аркадяне и ахейцы (Xenoph. Anab., VI, 2, 16). Обращает на себя особое внимание тот факт, что *μισθοφόροι* из Пелопоннеса, материковой Греции, Эгеиды и отчасти солдаты-варвары (например, фракийцы) — это выходцы из «проблемных» областей спартанской Архэ, политическая нестабильность в которых противоречила интересам лакедемонян. Афинянин Ксенофонт часто называет имена своих земляков, очевидно, из числа лохагов: Амфикрата, Аристана, Гнесиппа, Кефисодора, Ликия, Поликрата, Феопомпа. Не исключено, что они покинули Атику в силу таких же обстоятельств, что и сам автор «Анабасиса». Ксенофонт упоминает и спартиата Клеарха (также *persona non grata*), одного из стратегов в битве при Кунаксе, личность которого вызывает большой интерес (Xenoph. Anab., II, 6, 1–15). Клеарха упоминает также Фукидид в связи с его деятельностью в должности начальника эскадры в Геллеспонте (Thuc., VIII, 8,2; 39,2; 80, 1). Выдвинувшись в качестве талантливого полководца во время Пелопоннесской войны, в 403 г. Клеарх был послан эфорами в Византий в качестве гармоста. Мстя византийцам за свою прежнюю неудачу, он проявил такую жестокость по отношению к ним, что эфоры отправили войско с целью изгнания Клеарха из этого города. Клеарх удалился во Фракию в качестве изгнанника, так как эфоры заочно приговорили его к смерти за непослушание. Наличие в войске выходцев из «периферии» полисного мира, вероятно, самой малочисленной категории «солдат удачи», может являться отличным показателем того, насколько в конце V в. до н. э. был развит средиземноморский рынок наёмной воинской силы. Так, например, во время Декелейской войны в пелопоннесском флоте находились союзные сицилийские корабли (Thuc., VIII, 26; 105). Вероятно, после ее окончания какая-то часть сицилийцев продолжила службу в качестве наёмников в Эгеиде. Поэтому категории наёмников, включавшие в себя пелопоннесцев, выходцев из материковой Греции, Эгеиды и варваров, могут считаться вполне допустимым доказательством того, что в удалении пассивной массы из «проблемных» областей эллинского мира спартанцы принимали непосредственное участие.

Способствуя удалению излишнего маргинального элемента за пределы Эллады, в первую очередь из Пелопоннеса, Спарта прежде всего снижала политическую и социальную напряженность в зоне своего влияния. Такая практика проводилась и ранее. Например, в годы Пелопоннесской войны спартанские походные армии собирались из неодамодов и союзников, а экипажи пелопоннесских кораблей комплектовались наёмниками. Но после завершения войны Спарта была вынуждена канализировать массу лишних наёмников за пределы Эгеиды, для чего поход Кира Младшего представлялся удобным случаем.

Таким образом, в конце V в. до н. э. греческое наёмничество представляло собою силу, с которой приходилось считаться и которую лакедемоняне использовали как средство для решения политических задач. С момента окончания Пелопоннесской войны в политической истории Спарты наёмники играли важную роль. Значение *μισθοφόροι* для Эллады заключалось в том, что они являлись таким взрывоопасным социальным ресурсом, само наличие которого принуждало к его осторожному, но активному использованию. Очевидно, этим и было обусловлено дальнейшее развитие наёмничества, а сам экспорт «солдат удачи» за пределы классической Греции мог оказывать значительное влияние на военно-политическую ситуацию в Восточном Средиземноморье.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Anderson J. K.* Military Theory and Practice in the Age of Xenophon. — Berkeley; Los Angeles, 1970.
2. *Best J. G. P.* Thracian Peltasts and Their Influence on Greek Warfare. — Groningen, 1969.
3. *Glombiowsky K.* The Campaign of Cyrus the Younger and the Retreat of the «Ten Thousand»: the Chronology//Pomoerium. — 1994. — № 1.
4. *Hanson V. D.* The Western Way of War: Infantry Battle in Classical Greece. — New York, 1989.

5. *Jordan B.* The Athenian Navy in the Classical Period: A Study of Athenian Naval Administration and Military Organization in the Fifth and Fourth centuries B. C. — Berkeley, 1975.
6. *Parke H. W.* Greek Mercenary Soldiers from the earliest Times to the Battle of Ipsus. — Oxford, 1933.
7. *Sekunda N., McBride A.* The Ancient Greeks, Armies of Classical Greece 5th and 4th Centuries B. C. — London, 1986.
8. *Stoll O.* Gemeinschaft in der Fremde: Xenophons «Anabasis» als Quelle zum Söldnertum im Klassischen Griechenland?//Göttinger Forum für Altertumswissenschaft. — 2002. — № 5.
9. *Мафинович Л. П.* Греческие наёмники в конце V—начале IV вв. до н. э. (Имущественные отношения и социальный состав)//ВДИ. — 1958. — № 4.
10. *Мафинович Л. П.* Греческое наёмничество IV в. до н. э. и кризис полиса. — М., 1975.
11. *Мафинович Л. П.* Место наёмников в общественно-политических взглядах Исократа//ВДИ. — 1965. — № 3.
12. *Мафинович Л. П.* Наёмники в период Пелопоннесской войны//ВДИ. — 1968. — № 4.
13. *Мафинович Л. П.* Социально-политическая борьба и наёмничество в Греции IV в. до н. э. в трактате Энея Тактика//ВДИ. — 1962. — № 3.
14. *Невская В. П.* Византий в классическую и эллинистическую эпохи. — М., 1952.
15. *Рунг Э. В.* Договор Беотия//Межгосударственные отношения и дипломатия в античности. Т. 1. — Казань, 2000.
16. *Синицын А. А.* О причинах фракийского похода Брасида//Античное государство. Политические отношения и государственные формы в античном мире. — СПб., 2002.

А. Н. Ворошилов

Копьеносцы в войске скифского времени на Среднем Дону

Проблема изучения войска скифского времени и тем более его боевого строя весьма сложна, прежде всего, из-за практически полного отсутствия прямых свидетельств письменных источников. Это еще в большей мере относится к истории военного дела лесостепных племен, которые, судя по археологическим материалам, отличались не меньшей воинственностью, чем собственно скифы, и от которых до нас в лучшем случае дошли одни этнонимы. Тем не менее, мы знаем об активном участии некоторых из них в Скифо-Персидской войне конца VI в. до н. э. (гелоны, будины). Некоторые современные исследователи допускают их участие и в самых поздних войнах царя Атея с соседями, в том числе с Филиппом II [1, с. 33]. Сочинения древних авторов позволяют составить только общее представление о воинстве Северного Причерноморья и применяемой им тактики ведения боя в скифскую эпоху. Несмотря на то, что В. Д. Блаватским, Е. В. Черненко и другими учеными проведено исследование военной истории и организации скифских племен [2; 3; 4; 5], многие конкретные вопросы их военного дела до сих пор остались не изученными. И совсем уж неудовлетворительно обстоит дело с изучением военной организации и военного дела у лесостепных народов, в частности Среднего Подонья.

Геродот и Диодор сообщают о многочисленных войнах, которые вели скифы (Геродот: IV. 28; Диодор: XIX. 73, XX. 22). Согласно древним свидетельствам, ядро скифского войска составляли конные воины, обязательным предметом вооружения которых

ИЗДАНИЕ